

Пр^о ф^ед^ота

УДК 821.161.1.0-929 Сурков
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 Сурков Ф.

П 78

П 78 **Про Федота.** - М.: ПРОБЕЛ, 2015. - 452 с.

ISBN 978-5-98604-531-3

Федот Федотович Сурков (1915-1991)
Писатель, поэт, скульптор.
13 лет жизни - в сталинских лагерях. Автор мемориальной доски Андрею Платонову на Тверском бульваре, 25, и надгробного памятника Варганию Шагалову на Кунцевском кладбище. Самобытная фигура «репрессированной культуры» 60-80 годов XX века.

© ПРОБЕЛ-2000, 2015

АНДРЕЙ БИТОВ	14
ЕВГЕНИЙ ПОПОВ	28
АЛЕКСАНДР ГАНКИН	56
ЛЕОНИД НОВАК	110
ТАМАРА СУЧКОВА	122
НИКОЛАЙ КЛИМОНТОВИЧ	132
ВЛАДИМИР БОЙКОВ	136
НАТАЛЬЯ КРЫЛОВА	196
ВЛАДИМИР ГОРБЕНКО	206
ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	252
НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО	254
ДМИТРИЙ КРЫЛОВ	256
АЛЁНА РУМЯНЦЕВА	260
НАДЕЖДА ОРЛОВА	274
ИРИНА И ТАТЬЯНА АБАНКИНЫ	286
ВИКТОР ДЗЯДКО	296
ВЯЧЕСЛАВ КАБАНОВ	314
АНАТОЛИЙ ЛЕЙКИН	330
ФЕЛИКС СВЕТОВ	348
ФЕДОТ СУЧКОВ. БУТЫЛКА В МОРЕ	362

Начать следует с Питера. После переименования города в честь человека, заварившего в нём каму и сбжавшего из него, после Блокады и постановлений 46-го года, после 49-года, с каким «шестидесятичестие» могла идти речь? Мы находились на шестидесятой параллели и только. Оттепели у нас не было, одни заморозки.

Ф В КВАДРАТЕ

В середине 60-х я подался в Москву, как мне казалось, на заработки (на Высшие сценарные курсы). Я ещё не ведал, что это начало моей «эмиграции» в столицу. К тому времени у меня хоть и вышли без особого шума две ранних книжки, но были написаны уже и «Аптекарский остров», и «Дачная мест-

ность», наполовину «Улетающий Монахов» и первый вариант «Пушкинского дома». Без перспектив. В Ленинграде стало душновато, а смотреть кино я любил.

Мне хотелось напечататься в «Новом мире» («Два рассказа», как Войнович или Аксенов), отдел прозы меня одобрял (Анна Самойловна Берзер), но для Твардовского я показался слишком беспартиен. Что ж, тогда различие Москвы и Питера сохранялось ещё не только в говоре, но и в прописи: в Москве «как слышится, так и пишется», а у нас «как пишется, так и слышится». Надо было спуститься на ступеньку, со столичного уровня обратно на провинциальный.

Наверно, мой друг Камил Икрамов (1927–1989), безуспешно пробовавший напечатать рассказ «Инфантьев» в журнале «Наука и религия», подсказал, что есть еще хороший редактор в «Сельской молодёжи», способный оценить неопубликованную рукопись. Я явился туда и увидел вполне конторского на вид дядечку в отделе прозы, а он оказался вполне человеком. Мы разговорились, оказалось, что

он дружил с Платоновым, в любви к нему мы совпадали...

Все мы в оттепельные времена читали одну книгу, охотились за одной и той же, потому что каждая выходила впервые после культа. Запомнилась гонка сразу за двумя зайцами – Фолкнером и Платоновым, «Семь рассказов» и «В прекрасном и яростном мире». Такие книги исчезали в один день и в один час. Поймал обе и читал вперемешку. Фолкнера преодолевал, а Платонов впитался в секунду, как дождь в пустыне. И тут же испарился. Я успел угодить в стройбат и спастись из него, начать писать прозу и жениться, поработать в шахте и прочесть наконец «Войну и мир», и только в 1961 году я не столько вспомнил Платонова, сколько попал в самую жизнь как в платоновский контекст: «по диким степям Забайкалья, где золото роют горой». Там я бурил по этим, уже пустым, горам-отвалам весь летний сезон в поисках «белого золота» – питьевой воды. Нерчинск, Пешково, Сретенск, – «и города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Жили мы под землёй, в землянке, выходили в

жаркое море степи. Она звенела, местные называли это – «мухота». Это было энергетически мощное пространство, и что-то со мной стряслось вроде преобразования – я вошёл в «даль свободного романа». Роман уже назывался «Провинция», оставалось его только написать. Поэтому я тут же вступил в империю трилогии «Петербург–Москва–Провинция» и тут же обломался: оказалось, что с тем же размахом до меня графоманил мой тёзка Бугаев. От «Провинции» однако осталось несколько заброшенных глав. Прослышав, что в журнале «Сельская молодёжь» иногда печатают даже такую прозу, которую другие не печатают, я задумался, что во мне может быть сельского, и наскоро вырезал из «Провинции» рассказ «Далеко от дома». С ним в руках и встретился я с ФФ.

Значит, Федот Федотович – редко бывает это повторение, то есть в честь отца его назвали. Для меня он показался немосквич, как и я сам. Впрочем, люди хорошо посидевшие, уже не москвичи. Я не заметил, как я это узнал, что он зэк, но выходил из редакции уже с его рукописью повести, вполне достойной звания рома-

на. О вертухае, начинающем что-то понимать, добросовестно неся службу в зоне. Он помогает эзку бежать, оказывается избобличен и сам получает первый срок («Круг первый» так называлась повесть еще до солженицынского романа). Так я запомнил эту отличную прозу как первую личную встречу человека и прозы, хотя с тех пор не перечитывал. Рукопись я вернул, рассказ мой ФФ напечатал, и мы друг друга поняли без лишних слов: он тоже не надеялся на публикацию. Московскую эту публикацию можно считать моей первой. Я вдохновился: не всё потеряно! Трилогия вновь оживала во мне: «Пушкинский дом» я мог считать «Петербургом», в «Москву» я погружался и разрабатывал сюжет («Япония как она есть»), «Провинция» становилась местом действия для драматического романа «Вина виноватого». «Москву» я пока пропускал, а в провинцию возвращался. Но и тут случился предшественник... «бывают странные сближения»: в провинции же неожиданно изданный роман «Суть дела» Грэма Грина. На меня эта книга произвела необыкновенное – я бы сказал, русское – впечатление. И

потому что я открыл для себя замечательного писателя, и потому что совпадала она с темой «Вины виноватого». Я понял, что и на этом уровне – на психологическом – тоже не тяну ещё. И я ещё раз, с облегчением, забросил прозу ради кино.

Но знакомство с ФФ продолжилось. Короче говоря, потом уже последовало приглашение в студию. Я не помню, когда и как менялись эти студии, но первые работы я увидел достаточно давно. Дерево я очень люблю как таковое, и многие тогда увлекались такой, я бы сказал поверхностной, работой с деревом. Поскольку абстракционизм был запрещён, подбирали разные корешки, делали из этого некие икебаны – в общем, какие-то подобиya природой созданного более абстрактного, чем соцреализм, искусства.

У ФФ были честные работы – портреты и всё такое прочее. С Домбровским я отдельно дружил, позже, чем познакомился с Сучковым. У меня стоит слепок с портрета Домбровского, ФФ мне его подарил. (Мы на похоронах Домбровского тоже с ФФ встретились. Он повёл

какую-то группу к себе в мастерскую, а мы почему-то не попали и оказались – Марлен Кораллов, Чабуа Амираджиби и Юз Алешковский – вчетвером за столиком в ЦДЛ).

То, что он работал с материалом, – это тоже очень характерно. Всё-таки художники имеют некоторое преимущество: материя слова всё же не вполне материальна, а вот что-то руками делать – это замечательно выздоравливает душу. Мне, например, не хватает этого. Я всю жизнь мечтал о том, чтобы либо быть столяром, либо плотником. Но плотником в результате был Василий Белов, а столяром – скульптор Сучков. И фамилия-то «Сучков» тоже с деревом связана.

В общем, нравился мне этот человек. Я не делю людей по иным принципам, чем нравится или не нравится. Имею право и свободу определять на свой вкус, нюх... – и никаких принадлежностей. ФФ был человек сам по себе – и это мне годилось.

Однажды только помню, как он был вдруг в большой команде. Это был, может быть, его юбилей – сколько ему было, 70, наверное? Это

уже в Колобовском переулке. Так что увидел ФФ совсем в его коллективе. Занятная была публика, такая же настоящая, как он. Не трудно было разгадать, в чём состояла эта её качественная настоящесть. **Все сидели.** Сидели на длинных деревянных лавках вдоль таких же столов, как в бараке. ФФ каким-то образом опустошил свой подвал, чтобы создать эту инсталляцию (он и слова-то такого не знал), имитирующую зону. Со мной рядом сидела породистая дама (может быть, Столярова?). Курить было можно, и я стал сворачивать самокрутку, потому что с 1975 года завёл такой обычай, но рядом с ней у меня что-то не получалось... И дама, посмотрев на меня, скажем так, сверху вниз, молвила: «Дайте мне...» – и одним движением фокусника свернула самокрутку. Я понял, с кем я сижу. Такой вот пароль...

Мне кажется, именно на этом юбилее я впервые увидел и внука Платонова. Помню в проходе между шуб какой-то закуток, завешанный пальто, – увидел и угадал его без знакомства, так сильно было фамильное сходство. Портрет Платонова, по-моему, единственная известная

публичная работа ФФ как скульптора (мемориальная доска на Литинституте) и памятник на могиле Шаламова. Он тогда выбрал себе эту линию гонимых и сидельцев.

ФФ был такой человек, что у него могла образоваться – совершенно не по его инициативе – такая малина, где могли пересекаться самые разные люди.

Он любил окружать себя молодёжью, которая вокруг него тусовалась – в том числе и девушки. ФФ был, так сказать, очень жовиальным человеком, но у него это не было противно. Он вообще был до конца своей жизни как бы заточен на мужском начале, что не вредно, что жизнь продлевает. Человек был светлый. В ФФ не было фальши, не было расчёта или интриги. Кстати, люди, неспособные к интриге, доступны страху: ну, вот в партию вступить, например, – как Мандельштам выражался: «прививка от расстрела». Или как в анекдоте: «Если убьют, считайте меня коммунистом. А если нет – то нет». У меня всегда была слабость к тем, кто сидел: чувство вины по отношению к тем, кто перенёс больше, чем я. ФФ был чело-

век – это видно сразу. Он не был исполнителем. Он был по сути дела любитель – я не люблю слова «профессионал». Литература у нас всегда была любительской, потому что ею занимались господа. Как только она делалась профессиональной – ничего не получалось. Русская литература – это стихия, а не профессия. И как скульптор ФФ – любитель. Он был самобытен и в силу этого прост, но без простоватости таланта и не бывает.

В последний раз я его видел на презентации его первой книги «Бутылка в море», название очень подходит для его писательской судьбы. И я там был, выступал. Это было радостно, что ФФ при жизни свою книгу увидел.

Так вот, насколько он опередил время и век, но не славу – это до сих пор вопиющий факт: потому что и роман Солженицына называется «В круге первом», и «Зона» очень вошедшего после смерти в моду Довлатова – тоже про охранника.

А у Сучкова именно «Круг первый», это наша «суть дела»: как входит в это дело именно вертухай – двойная спираль ДНК Гулага, – это от-

крытие замечательное. Это более чем правдиво: отразить противостояние в единстве, без партийного построения налево и направо, а вот эта по сути дела наша до сих пор длящаяся жизнь двойная. И вот это сильно как искусство.

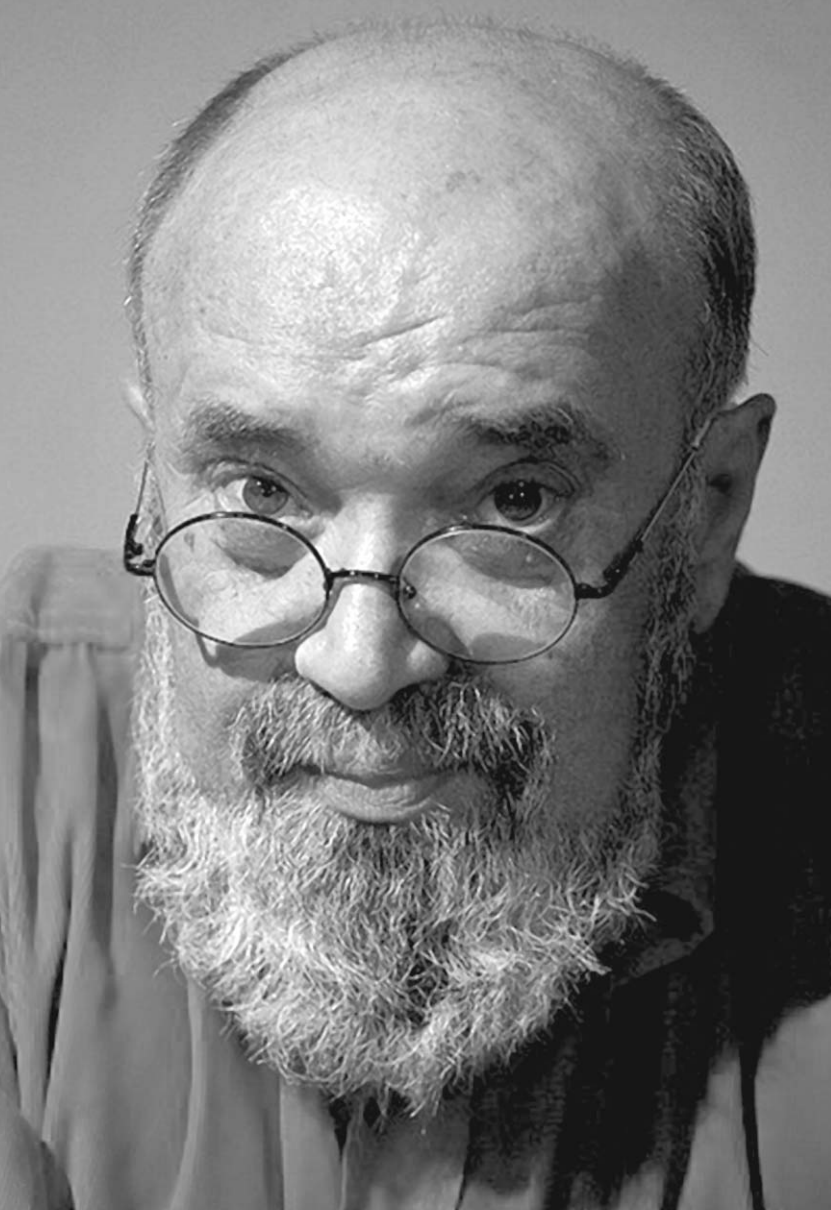
Сюжет ФФ был сочинённый – вот что ещё важно, потому что люди либо попадают в плен к своему материалу, либо они над ним властвуют. По выражению Зинаиды Шаховской, «здесь нет ни капли непереваренной биографии». Вот эта «непереваренная биография» – очень существенный барьер, кстати, очень разделяющий лагерников, потому что они меряются по срокам, как пайками: «Что там понимает Солженицын? Он сидел всего-то...» Замечательное в этом смысле письмо Шаламова, где он сначала поздравляет с выходом «Одного дня», а потом обрушивается с опровержениями. Мол, где это Солженицын нашёл такую малину, а не лагерь. А Олег Васильевич Волков, мой крёстный, который сидел 29 лет, рассказывал (я у него брал интервью, писал о нём очерк к юбилею): «Да мне вот как-то так

везло, меня не били, по ушам не хлопали, как Шаламова».

Я, наверное, как расконвоированный, уже мотался по заграницам, раз не был на их похоронах.

Прощаясь, могу лишь сейчас послать комплимент Федот Федотычу к его столетию как прозаик прозаику, что он свою повесть сочинил как художник, которому опыт понадобился лишь для достоверности, для **сути дела**.

Май - июнь 2015

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Родился в 1946 г. в Красноярске,
живёт в Москве, писатель.

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

Страсти на Страстном

Д а уж, конечно, в древности, при седой старине там всё совершенно по-другому было, но Страстной женский монастырь, в котором после революции находился ЦАМСБ СССР (Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников) снесли в начале 30-х прошлого века. Поэтому нынче Страстной бульвар, примыкавший к монастырю, практически весь расположен между крепкими спинами двух металлических поэтов – Александра Пушкина (Пушкинская площадь) и Владимира Высоцкого (угол Петровки).

На «Пушке» менты и гэбэшники вечно лупили при советской власти диссидентов, хлопчущих о правах человека, а если встать на место памятника Высоцкому и «только чуточку прикрыть глаза», как пели «шестидесятники» в своей романтической песне «Бригантина поднимает паруса», то можно увидеть ОДНУ малую родину

упомянутого Пушкина – Харитоньевский переулок, где он провёл свое розовое детство, и ДВЕ малых родины Высоцкого. Это – Большой Каретный переулок («Где твои семнадцать лет? – На Большом Каретном») и грозная Петровка-38, с которой он повязан в качестве майора Глеба Жеглова из культового советского фильма «Место встречи изменить нельзя».

Неудивительно, что между двумя этими спинами находится не только казино «Шангри-ла», у входа которого стоит русский человек, одетый китайцем, но и легендарный журнал «Новый мир», где бился за свободу титан Солженицын, чьё имя вполне достойно ещё одного металлического памятника, но его до сих пор нету. Это место вообще получается литературное: в доме № 9 жил с 1849 по 1868 год драматург Сухово-Кобылин, которого бесчувственная царская власть пыталась обвинить в том, что он убил свою любовницу – француженку Луизу, а значительно позже, в 70–80-е XX века, на Страстном можно было наблюдать великого прозаика Юрия Осиповича Домбровского, отбывшего 15 лет

в сталинских тюрьмах, концлагерях и ссылках вовсе не за какую-нибудь француженку, а практически НИ ЗА ЧТО.

Дело в том, что чуть поодаль от того места, где сейчас стоит памятник Высоцкому, тогда имелось знаменитое дощатое заведение под названием «Блинная». Там такая тётя Маргарита царствовала, которая позволяла, если ты возьмёшь блины с красной икрой, распивать принесенные с собой водку и пиво, которое было тогда дешёвое, но невкусное. Уютно там было, хотя дочка тёти Маргариты облизывала своим детским язычком красную икру в баночке для придания этой засохшей икре дополнительной свежести. И пустые бутылки обласканный посетитель должен был этой не по возрасту смышлёной дочке непременно отдать, иначе всегда получался скандал.

Это заведение посещали романист и философ Владимир Кормер, лидер подпольной тогда гей-культуры Евгений Харитонов, погибший от советской власти и пьянства поэт Лев Таран, звезда нынешней сценографии театральный художник Владимир Боев, писатель Николай

Климонтович, режиссёр Марк Розовский, Дмитрий Александрович Пригов и многие, многие другие достойные люди.

Юрий Осипович Домбровский и его друг – скульптор, поэт, прозаик Федот Федотович Сучков, в юности знавший гения Андрея Платонова, а в дальнейшем тоже отсидевший 13 лет, – тихо рассказывали творческой молодёжи о том, что видели и пережили они в сталинских концлагерях. Потом все тихо запевали песню «Будь проклята ты, Колыма», закуривали, и добрая тётя Маргарита выгоняла всех на улицу, но в милицию или КГБ никого никогда не сдавала.

И вот иду я вновь по знакомым с юности местам. На месте «Блинной» выстроено стильное кафе «Белая лошадь» с рекламой некогда дефицитного пива «Туборг». Домбровский, Сучков, Кормер, Харитонов, Таран умерли, но всё так же шуршит жёлтый лист в шагу, всё так же играют на дорожках Страстного бульвара малые дети, ведомые родительницами и няньками. Может, хоть они будут счастливее, чем мы?

P.S. Да, вот еще, чуть самого главного не забыл. Федот Федотович Сучков однажды указал мне на изрядный постамент красного гранита размером (ориентировочно) 1м х 1м и в высоту метра полтора. Расположенный примерно в 300 шагах от редакции журнала «Новый мир» или, вернее, от памятной доски «ВСЯ НАША НАДЕЖДА ПОКОИТСЯ НА ТЕХ, КТО САМ КОРМИТ СЕБЯ», находящейся через дорогу от редакции и висящей до сих пор, не потеряв актуальности. Мой старший товарищ утверждал, что здесь, на постаменте некогда покоился бюст товарища Сталина. Потом, когда Сталина убрали из мавзолея, где он преспокойно полёживал в виде набальзамированного трупа рядом с аналогичным трупом своего старшего товарища Ленина, бюст его тоже исчез с бульвара. А на осиротевшем постаменте каждый божий день появлялась алая гвоздика, положенная чьей-то таинственной рукой в честь вождя. Шли годы. Наступила перестройка, и в один прекрасный день я обнаружил, что постамент тоже исчез. Не исключено, что его украли деловые люди

в рамках накопления первоначального капитала для дальнейшего развития капитализма в России.

Поэтому я предлагаю считать место исчезновения сталинского постамент на Страстном бульваре ГЛАВНЫМ ПАМЯТНИКОМ нашей стране, отражающим её прошлое, настоящее и будущее. Памятником без четко очерченных границ в пространстве и времени. Памятником, символизирующим чаемое гражданское согласие в обществе после всех ужасов, этим обществом пережитых. Местом, куда каждый гражданин Российской Федерации может подойти, чтобы плюнуть или положить алую гвоздику. Мочиться там будет нельзя, а демонстрации можно будет проводить, но только с разрешения начальства.

«Новая неделя».
2001

ФЕДОТ СУЧКОВ

Уроженец Красноярского края, знаменитый московский человек Федот Федотович Сучков жил в полуподвальном помещении дома, расположенного в Колобовском переулке между уцелевшим винным заводом и таинственным оштукатуренным строением. Местная легенда утверждала, что строение это – бывшая глушилка «вражеских голосов», законсервированная ввиду объявленной начальством «перестройки». Местная легенда скорей всего привирала, хотя... многое в жизни Федота Федотовича сначала казалось легендой, а при ближайшем рассмотрении оказывалось сугубой былью. Иной раз горькой, иной раз радостной, но никогда не приторной – такой уж он был человек.

А был Федот Федотович скульптором, поэтом, прозаиком, драматургом, эссеистом. Естественно, не членом Союза писателей и Союза художников, потому что в Союз писателей не принимают авторов неопубликованных книг, а в Союз художников – участников несостоявшихся выста-